

«Second Religiousness» in the Era of «The End of History»

R. R. Rakhmetov

Saratov State Technical University
77, Politekhnikeskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: rahmetovrashit@gmail.com

The article proves that «second religiousness» («resacralization») has some similarities with the early mythological era and contrary to it as exemplified in modern culture. The paper reveals that the specificity of the «second religiousness» of European culture is the tendency of combining religious and mystical teachings with the idea of evolution of natural science. «Second religiousness» is characterized by universalistic tendencies which combine various kinds of philosophical concepts. Given feature reflects the synthesis of science and religion, and combining various sacral teachings. The transformation of traditional sacral foundations is also featured during the period of the «second religiousness». The example can be found in the era of the decline of cultures such as Greco-Roman of late antiquity and Russian before the Russian October Revolution.

Key words: second religiousness, remythologization, resacralization.

References

1. Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*: in 2 Bd. München, 1918. Bd. 1. 658 p. (Russ. ed.: Shpengler O. *Zakat Evropy*: v 2 t. Moscow, 1993. Vol. 1. 663 p.).
2. Eckhart M. *Sermons and Treatises*. London, 1979. 360 p. (Russ. ed.: Eckhart M. *Dukhovnye propovedi i rassuzhdeniya*. Moscow, 1991. 192 p.).
3. Duplinskaya Yu. M. *Kreationsizm i doktrina evolyutsioniruyushchego chelovechestva* (Creationism and the doctrine of evolving humankind). *Krizis antropologicheskikh osnovaniy sovremennoy kultury* (The crisis of anthropological foundations of modern culture). Saratov; Moscow, 2015, pp. 150–156.
4. Tsiolkovskiy K. E. *Monizm Vseenny (Monism of the Universe)*. *Russkiy kosmizm* (Russian cosmism). Moscow, 1993, pp. 264–277.
5. Teilhard de C. P. *The Phenomenon of Man*. New York, 1975. 320 p. (Russ. ed.: Teilhard de Chardin P. *Fenomen cheloveka*. Moscow, 2012. 381 p.).
6. Svami Vishnudevananda Giri. *Izmenenie vektora evolyutsii chelovechestva* (Change of vector the evolution of humankind). Available at: <http://www.advayta.org/1677> (accessed 9 October 2015).

УДК 303

СЕТЬ: ОТ МЕТАФОРЫ К ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНСТАНТЕ

Сивоконь Алена Сергеевна —

аспирант кафедры теоретической и социальной философии,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: alyonasivokon@yandex.ru

Статья посвящена исследованию истории понятия «сеть» в социально-философском дискурсе. Принимая во внимание научный интерес разных исследователей к сетевым теориям, необходимо проследить динамику развития основного понятия данной теории. Исследуются сетевые основания учений Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля, теория ризомы Ж. Делеза и Ф. Гваттари, проводится сравнительный анализ двух современных сетевых подходов — акторно-сетевой теории и концепции сетевого общества. В основном выводе рассматривается перспектива становления сетевого подхода в качестве социально-философской метатеории.

Ключевые слова: сеть, метафора, сетевая теория, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, ризома, акторно-сетевой подход, сетевое общество.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-47-51

В современном мире сеть стала определенной парадигмой миропонимания. Мы говорим о социальных сетях, сетевом обществе, сетях знания, сетевом менеджменте, сетевой культуре и т.д. Подобная многообразная укорененность сетей в общественной жизни порождает исследовательский

интерес к сетям в самых разных областях знаний: социологии, философии, политике, менеджменте, экономике. Однако при всей очевидности сетевых феноменов современной науки, сеть привлекала внимание исследователей задолго до наших дней, поэтому основной задачей данной статьи является исследование истории формирования и изучения понятия сети в социально-философском дискурсе для наиболее полного понимания современных сетевых концепций.

С точки зрения Е. И. Княzewой, проблема относительно недавнего формирования сетевых теорий в социальных науках связана с тем, что сеть воспринималась учеными исключительно в виде метафоры или аналитической модели [1]. Хотя это не значит, что сеть как социальный и философский феномен не интересовала исследователей на более ранних этапах развития науки. Истоки сетевого подхода можно увидеть в работах Э. Дюркгейма и «формальной социологии» Г. Зиммеля.

Р. Коллинз находит зачатки сетевого подхода в учении Э. Дюркгейма о ритуалах, которые позволяют индивиду ориентироваться в социальном пространстве и «эти “коллективные репрезентации” поселяются в разуме человека и действуют как гироскопы, которые направляют людей к определенным видам взаимодействия и удерживают от других» [2, с. 247]. Исходя из идей Э. Дюркгейма, Коллинз выводит понятие сети ритуальных взаимодействий, так как сеть не приемлет жесткости и отличается вариативностью.

К пионерам сетевого подхода некоторые исследователи причисляют и Г. Зиммеля. Постулируя вопрос «Как возможно общество?» исходным пунктом своей социологии, Г. Зиммель приходит к выводу, что социальное конституируется субъектами, их отношениями и взаимодействиями. Общество понимается Зиммелем как динамичное, лишённое статики, поскольку оно есть процесс взаимодействия людей [3, с. 513]. Необходимо также отметить, что непосредственное влияние на становление сетевой теории оказала социальная антропология (Р. Радклифф-Браун, К. Митчелл) и социометрия (Я. Морено).

Глубокое философское осмысление феномен сети получил в работе «Тысяча плато» Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Используя метафору ризомы, они детально описали методологию и онтологию сети. Делез и Гваттари сформулировали основные характеристики сетевой организации, такие как гетерогенность, множественность, одновременность локализованных организаций и непрерывность движения в стремлении выйти за собственные пределы. Принимая релятивность ризомы как факт, авторы «Тысячи плато» акцентируют свое внимание на структуре сети, ее характеристиках и свойствах, поскольку «у множества нет ни субъекта, ни объекта, есть только определения, величины, измерения» [4, с. 14]. Ризома по своей сути тотальна, обезличена и вариативна, «у нее нет ни начала, ни конца, но всегда середина, из которой она растет и переливается через край» [4, с. 37].

Таким образом, в конце 1980-х гг. во Франции были заложены фундаментальные основы сетевой теории, которая сегодня стала методологическим аппаратом. Именно в это время сеть начинает обретать форму понятия, а не использоваться в качестве метафоры. Исследуя метафоричность сети, В. В. Василькова полагает, что на определенном этапе становления знания метафора может выступать в качестве «когнитивного механизма, способного при помощи подвижного семантического смещения “рамки” и “фокуса” продуцировать новые образные модели, на основе которых впоследствии

создаются новые теоретические положения» [5]. Можно сказать, что метафора является индикатором трансформации реальности и становления нового знания, маркирует собой поиск нового понимания и рождения другой онтологии. Обновленное понимание бытия требует новых средств его описания – так появляется категориальный и методологический аппарат, в котором феномен из метафорического образа становится явным и определенным понятием. Поэтому именно в 1980–1990 гг. формируются два магистральных сетевых подхода, которые в современной философии определяют направление сетевых исследований и само понятие сети: это теория сетевого общества М. Кастельса и акторно-сетевая (АСТ) Б. Латура. Исходя из исследовательского интереса обоих мыслителей к сетевым феноменам, сравнительный анализ нами проводится на основе генеральных концептов данных теорий.

1. *Технология/Гибрид*: постулируя информацию как главный ресурс современности, Кастельс определяет феномен коммуникации в качестве системообразующего для общества. Трансформация способов передачи информации ведет за собой необходимое изменение социума. Следовательно, в качестве ключевого момента для понимания сетевых структур Кастельс полагает феномен технологической революции.

Распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью [6, с. 494]. Появление Интернета актуализировало сети, сделало возможным появление и совершенствование сетевых форм взаимодействия: «Интернет – это коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе» [7, с. 15]. Всегда подручные коммуникативные средства с доступом в Интернет формируют новый тип социального устройства – сетевое общество. Под сетью М. Кастельс понимает совокупность связанных между собой узлов [7, с. 13], а в качестве основных характеристик сетевых структур выделяет гибкость и адаптивность к изменяющейся окружающей среде. «Узловая» структура интернет-сетей амбивалентна по своей сути. Во-первых, точками сети являются технические базы, обеспечивающие доступ к Интернету, во-вторых, «узлами» интернет-сети становятся сами социальные субъекты, которые способны обрабатывать информацию. Кастельс решает эту дилемму, редуцируя изменение социального взаимодействия к специфике технологии.

В противовес технологическому детерминизму Кастельса, Латур развивает идею гибридности общества. Не отвергая постулата о социально образующей функции науки и технологии, Латур все же не считает их приоритетными. Он рассматривает общество через призму гибридов – совокупности сложных объектов, способных к действию. АСТ отвергает представление о вещах как пассивных объектах, находящихся в подчинении у человека. Не только субъекты способны конституировать социальное, артефакты в значительной мере составляют собой ту объектность, из которой складывается социальность. В контексте сетевого подхода акцент переносится на само действие как социальный факт. Употребление в речи самих понятий субъекта и объекта становится некорректным, и поэтому они оба заменяются на более абстрактное понятие актора – действующего, совершающего (опосредующего) действие.

В понятиях гибрида и актора АСТ интегрирует онтологию социального и технического (природного) бытия и снимает субъект-объектную установку, тем самым преодолевая проблему редуцирования общества и технологии к одному из оснований.

2. *Сетевое общество/Акторская сеть*: Кастельс утверждает, что в пространстве Интернета формируется новый вид социальности – социальный индивидуализм. Он характеризуется со-общением не изолированных индивидуумов, а особой (сетевой) социальной структурой, которую выстраивают индивидуумы, согласовываясь со своими ценностями, потребностями и интересами. Трансформируется представление о человеческом сообществе как существующем по определенным законам пространства и времени. Кастельс использует определение сообщества Б. Уэлмана, которое включает в себя понятие сети: «Сообщества – это сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность» [8, с. 1]. Подобная социальная структура, основанная на электронике, динамична и открыта.

Понятие сетевого общества вводится Кастельсом для того, чтобы определить роль компьютерных технологий в современном мире и обосновать позицию, что развитие технологий ведет к трансформации и преобразованию общественного устройства.

Латур выступает как последовательный противник понимания подобной эволюционности сетевого принципа в обществе. Из стремления преодолеть онтологическую асимметрию между человеком и не-человеком появляется новое

определение общества. Если «действовать – это опосредовать действия других» [9, с. 93], то общество сформировано из активной деятельности акторов, а «не присутствует имманентно в сети отношений, узловыми точками которой являются “объекты”, отношения предшествуют всякой сущности» [10, с. 35]. Эмансипировав объекты, отведя им равную с субъектами роль, акторно-сетевая теория создает учение о механизме конституирования общества и функционировании социотехнических сетей.

В АСТ сеть – это характеристика глобального, распределенного в пространстве и времени взаимодействия, локализованного и опосредованного акторами. Акторская сеть всегда будет социотехнической, поскольку включает в себя гибриды. Такое понимание сетей позволяет применить сетевой принцип организации общества не только к современности, но ко всей социальной истории, поскольку действие является ключевой характеристикой актора и гораздо более широкой, чем коммуникация в концепции Кастельса.

3. *Экспансия сети/Конфигурация сети*: Кастельс возводит сетевой принцип в абсолют – структура определяет содержание и способ бытия. Данная теоретическая модель предполагает доминирование социальной морфологии над социальным действием, поскольку важной характеристикой становится именно принадлежность к той или иной сети. Сеть расширяется, включая в себя новые узлы и подчиняя их деятельности сетевой логике, и «власть структуры оказывается сильнее структуры власти» [6, с. 494]. В этом смысле сетевой подход Кастельса является развитием топологических теорий на основе «опустошенных» структур, поскольку исследователь преимущественно анализирует именно морфологические особенности сетевого общества, практически не уделяя внимания развитию социальных сетей на межличностном и индивидуальном уровнях.

В этом смысле сторонники АСТ стараются не упустить из внимания то, что можно определить как содержание сетевой структуры. Сеть понимается как характеристика взаимодействия, являющегося фундаментальной категорией. В категориях новой социальной онтологии АСТ «быть» не тождественно «существовать». «Быть» – значит действовать, вступать во взаимодействие: «Объекты являются “производными” некоторых устойчивых множеств или отношений» [11, с. 223]. Онтологизация деятельности позволяет высветить взаимопроникающую логику действия и взаимодействия, которая получает свое оформление в понятии акторской сети.

Р. Хойслинг полагает, что сетевую теорию можно принять в качестве метатеории в современных социальных исследованиях. Его аргументация заключается в трех пунктах:

1) «гибкость, динамизм и открытые границы» [12] позволяют сетевой теории с конструктивистских позиций описывать динамику и изменчивость общества;

2) сетевая теория не имеет идеологической окраски, поскольку направлена на исследование структуры общества;

3) сетевая теория способна «соединяться» с любыми другими теориями.

Потенциал акторно-сетевой теории заключается в том, что она позволяет описать не только современное общество, в котором сетевые структуры стали очевидны и играют наиболее заметную системообразующую роль, но и всю человеческую историю. Таким образом, категориальный и методологический аппарат акторно-сетевой теории позволяет исследовать общество на высоком социально-философском уровне, что дает возможность говорить о формировании новых тенденций в социальной онтологии.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс» (№ 15-33-12009а(у)).

Список литературы

1. Князева Е. И. Сетевая теория в современной социологии. URL: <http://elibrary.bsui.by/handle/123456789/11256> (дата обращения: 23.02.2015).
2. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М., 2009. 320 с.
3. Зиммель Г. Как возможно общество? // Г. Зиммель. Избранное : в 2 т. М., 1996. Т. 2. 607 с.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2010. 895 с.
5. Василькова В. В. Сети в социальном познании : от метафоры к метатеории. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_5/Vasilkova_2012_5.pdf (дата обращения: 06.02.2015).
6. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 494–505.
7. Кастельс М. Галактика Интернет : рассуждения об интернете, бизнесе, обществе. Екатеринбург, 2004. 328 с.
8. Wellman B. Physical place and cyberplace : the rise of networked individualism // International Journal of Urban and Regional Research. 2000. Vol. 25. № 2. P. 227–252.
9. Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6, № 2. С. 79–98.
10. Вахштайн В. С. Социология вещей и «поворот к

материальному» в социальной теории // Социология вещей. М., 2006. С. 7–42.

11. Ло Дж. Объекты и пространства // Социология вещей. М., 2006. С. 223–244.

12. Хойслинг Р. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории. М., 2003. 192 с.

Network: from the Metaphor to the Ontologic Constant

A. S. Sivokon

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: alyonasivokon@yandex.ru

Article is devoted to research of history of the concept «network» of a social and philosophical discourse. In view of scientific interest of different researchers in network theories, it is necessary to track dynamics of development of the basic concept of this theory. In article the network bases of doctrines of E. Durkheim and G. Zimmel, the theory of a rhizome of Zh. Delez and F. Gvattari are investigated, the comparative analysis of two modern network approaches – the aktor-network theory and the theory of network society is carried out. In the main conclusion the prospect of formation of network approach as a social and philosophical metatheory is considered.

Key words: network, metaphor, network theory, E. Durkheim, G. Zimmel, rhizome, aktor-network theory, network society.

References

1. Knyazeva E. I. *Setevaya teoriya v sovremennoy sotsiologii* (The network theory in modern sociology). Available at: <http://elibrary.bsui.by/handle/123456789/11256> (accessed 23 February 2015).
2. Collins R. *Four sociological traditions*. New York, 1994. 336 p. (Russ. ed.: Collins R. *Chetyre sotsiologicheskie traditsii*. Moscow, 2009. 320 p.).
3. Simmel G. How is society possible? *History of Economic Thought Articles*, 1913, vol. 16. Available at: <http://socserv.mcmaster.ca/econ/ugcm/3ll3/simmel/society> (Russ. ed.: Simmel G. *Kak vozmozhno obshchestvo? Izbrannoe: v 2 t.* Moscow, 1996. Vol. 2. 607 p.).
4. Deleuze G., Guattari F. *Mille Plateaux. Les Editions de Minuit*. Paris, 1980. 648 p. (Russ. ed.: Deleuze G., Guattari F. *Tysyacha plato. Kapitalizm i shizofrenia*. Ekaterinburg, 2010. 895 p.).
5. Vasilkova V. V. *Seti v sotsialnom poznanii: ot metafory k metateorii* (Networks in social knowledge: from a metaphor to a metatheory). Available at: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_5/Vasilkova_2012_5.pdf (accessed 6 February 2015).
6. Castells M. The rise of the network society. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford, 1996. 556 p. (Russ. ed.: Castells M. *Stanovlenie obshchestva setevykh struktur. Novaya postindustrialnaya volna na Zapade*. Antologia. Moscow, 1999, pp. 494–505).
7. Castells M. *The Internet galaxy, reflections on the Internet, business and society*. Oxford, 2001. 292 p. (Russ. ed.: Castells M. *Galaktika Internet: rassyazhdeniya ob internete, biznese, obshchestve*. Ekaterinburg, 2004. 328 p.).

8. Wellman B. Physical place and cyberplace: the rise of networked individualism. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2001, vol. 25, no. 2, pp. 227–252.
9. Latour B. On interobjectivity. *Mind, Culture, and Activity: An International Journal Traduction*, 1996, vol. 3, no. 4, pp. 228–245 (Russ. ed.: Latour B. Ob interobektivnosti. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2007, vol. 6, no. 2, pp. 79–98).
10. Vakhshstayn V. S. Sotsiologiya veshchei i «povorot k materialnomu» v sotsialnoi teorii (Sociology of things and «turn to material» in the social theory). *Sotsiologiya veshchei* (Sociology of things). Moscow, 2006, pp. 7–42.
11. Law J. Objects and spaces. *Theory, Culture & Society*, 2002, vol. 19, no. 5–6, pp. 91–105 (Russ. ed.: Law J. Obekty i prostranstva. *Sotsiologiya veshchey*. Moscow, 2006, pp. 223–244).
12. Haeussling R. *Soziologische Essays zu Leitaspekten der Netzwerktheorie*. Stuttgart, 2003. 195 p. (Russ. ed.: Khoisling R. *Sotsiologicheskie esse po osnovnym aspektam setevoi teorii*. Moscow, 2003. 192 p.).

УДК 165.023

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ И БЕЗНАКАЗАННОСТЬ ПОЗНАНИЯ

Секацкий Александр Куприянович –

кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории, Институт философии при СПбГУ, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: asekatki@mail.ru

В статье рассматриваются условия истинного познания, в некоем смысле предшествующие выполнению логических процедур и правил. Сущее, которое подлежит познанию, по крайней мере, не должно меняться в ходе познавательных усилий, лишь в этом случае мы имеем дело с наукой и научной истиной (достоверностью). Одновременно мы можем представить себе диапазоны познания других возможных миров (например, божественное познание), где параметры истины заданы иным образом. Далее исследуются способы предварительного конструирования или выбора такой раскладки сущего, которая позволила бы свести любые «предметы» к человеческому диапазону истины, подобный способ лучше всего известен в социологии, где он называется созданием репрезентативной выборки. Рассматриваются и некоторые социальные последствия торжества подобных процедур: в современном обществе можно говорить о презумпции добровольной познаваемости себя самого другими, возникает новый своеобразный этический императив; будь познаваемым!

Ключевые слова: диапазон истины, природа, суперпозиция, сингулярность, объект познания, картина мира, видимость и сущность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-51-55

Для того чтобы познание было не только истинным, но и вообще возможным, необходим ряд условий, экспликация которых обычно не входит в гносеологические трактаты. Многочисленные статьи о логике и гносеологии науки ограничиваются анализом имманентной процедуры вывода и способов проверки результатов путем выборочного обращения к «внешнему миру». В каком-то смысле речь идет о правилах сервировки приборов познания, что, конечно же, весьма важно, но только если уже прозвучал

призыв «кушать подано» или, в нашем случае – *познавать подано*. Попробуем рассмотреть такое существенное предварительное условие, как заданность диапазона истины: оно предполагает, что предмет познания в результате применения гносеологических процедур и измерительных инструментов, в самом широком смысле слова, не меняется, т.е. следующий познающий застанет его таким же, как и тот, кто уже произвел свои измерения. После открытия корпускулярно-волнового дуализма это уже не очевидно: ясно, что уже не всякий предмет познания отвечает подобным минимальным требованиям [1]. Возникает и другая коллизия, связанная с состоянием самого познающего: как событие постижения, познание от первого лица, истина должна свершиться как бы впервые: какую бы неисчерпаемую регулярность она ни открыла, она, истина, должна быть личной сингулярностью для меня, иначе событие познания вообще не случится. Иными словами, истинное познание, не меняя ничего в познанном, радикально меняет самого познающего, и без совместного соблюдения этих двух условий истинное познание (познание истины) невозможно.

Предварительно очерченный диапазон истины можно признать значимым для нашего разума и разума, подобного нашему. А если прибегнуть к логике иных возможных миров? Возможно ли познающее существо, которое могло бы осуществлять безнаказанное познание в ином диапазоне? Например, постигать суперпозиции без их разрушения и, следовательно, свободно прогуливаться